

ВМѢСТО ВВЕДЕНІЯ.

Объ изученіи пушкинскаго періода русской литературы ¹⁾).

По крайней мѣрѣ, въ двадцатый разъ я начинаю новый для меня курсъ; но никогда еще не испытывалъ я такой неувѣренности въ себѣ и, прямо скажу, такого страха за успѣхъ своихъ лекцій, какъ теперь. Причины на это двѣ: одна лежитъ во мнѣ, другая—въ содержаніи моего курса. Я—студентъ Московскаго университета и въ одну изъ лучшихъ эпохъ его: я слушалъ Буслаева, Тихонравова, Соловьева, Ешевскаго, Бабста, Леонтьева, Бодянскаго, и хотя 25-ти-лѣтнее преподаваніе въ провинціи убѣдило меня, что и тамъ часто встрѣчаются какъ студенты, такъ и профессора, ни въ чемъ не уступающіе столичнымъ, даже и лучшимъ, все же къ родному университету, да еще Московскому, съ его славнымъ полуторавѣковымъ прошлымъ, у меня, какъ у всякаго стараго студента, сохранилось особое почтеніе, и читать исторію русской литературы съ той же кафедры, съ которой читали ее Буслаевъ и Тихонравовъ, истинные богатыри науки, какъ хотите, дѣло опасное.

Перехожу къ другой причинѣ, не столь случайной и субъективной. Я намѣренъ читать обзоръ пушкинскаго періода, курсъ, котораго самъ я никогда не слушалъ, и который, сколько знаю, въ Московскомъ университетѣ никогда не читался. Чѣмъ могу я оправдать такую смѣлость и на чемъ я основываю хоть нѣкоторую надежду,

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Московскомъ университетѣ 22 сентября 1898 года.

что мои чтенія принесутъ пользу?—вотъ тема моей нынѣшней лекціи.

35 лѣтъ назадъ мы, многочисленные слушатели Буслаева и Тихонравова, всѣ или почти всѣ преклонялись передъ ихъ учеными заслугами, громадными знаніями и ихъ творческимъ трудолюбіемъ; но мы по крайней мѣрѣ на первое время далеко неодинаково относились къ предметамъ ихъ чтеній и специальныхъ занятій (вамъ, вѣроятно, извѣстно, что Буслаевъ читалъ народную поэзію и разнообразные курсы по исторіи древнерусской литературы и искусства, а Тихонравовъ—допетровскую литературу и XVIII вѣкъ, только изрѣдка заглядывая въ начало XIX вѣка): одни изъ насъ принимали даваемое безъ разсужденій, какъ высокое благо, а потомъ и сами увлекались или открывающими обширные горизонты темами по народному эпосу и миеологіи, или болѣе скромными, но зато мало обслѣдованными вопросами по древнерусской письменности, гдѣ что ни ударъ кирки, то новый интересный фактъ, почти открытіе; другіе же, и такихъ, пожалуй, было большинство, не могли не испытывать нѣкотораго недовольства тѣмъ, что наши знаменитые профессора, обладавшіе такой громадной эрудиціей и такимъ критическимъ талантомъ, примѣняли и свои огромныя и наши ничтожныя силы къ Палеямъ, Прологамъ, Даніиламъ Заточникамъ и Паломникамъ, тогда какъ подъ руками были Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, благоговѣніе къ которымъ, конечно, не вполне сознательное, мы приносили съ собой изъ гимназій и семинарій. Если Буслаевъ, разсуждали мы, такъ тонко умѣетъ анализировать грубоватое и бѣдное мотивами апокрифическое сказаніе о Петрѣ и Февроніи, насколько большее дѣйствіе оказали бы на насъ его лекціи, еслибъ онъ такой же анализъ приложилъ къ поэмамъ Пушкина? Если Тихонравовъ могъ такъ хорошо выяснять происхожденіе сатиръ добросовѣстнаго, но безталаннаго риемоплета Кантемира, отчего онъ не обработаетъ такимъ же образомъ «Мертвыя души» и «Ревизора», которыхъ мы чуть не назвусь знали?

Подготовленные хорошими учителями словесности, учениками того же Буслаева, чтеніемъ Бѣлинскаго и духомъ времени, мы довольно скоро поняли, что эстетическая точка зрѣнія на произведенія словесности не научна, и что исторія литературы не имѣетъ права останавливаться только, такъ сказать, на аристократахъ чело-

вѣческой мысли, что почти обезумѣвшій отъ гоненій протопопъ Аввакумъ или даже совсѣмъ безыменное, но выражающее міровоззрѣніе извѣстной эпохи и вліятельное произведеніе, въ родѣ Пален, несравненно важнѣе, нежели сотни вылощенныхъ, но однообразныхъ похвальныхъ одъ или цѣлый десятокъ очень изящныхъ по формѣ и занимательныхъ, но не внесшихъ ровно ничего новаго послѣдователей Жуковскаго и Пушкина; но развѣ самъ-то Пушкинъ не былъ крупнымъ историческимъ явленіемъ? развѣ не отражалъ онъ своей, для насъ болѣе интересной, нежели времена татарскаго ига или царя Алексѣя, эпохи? развѣ не важно выяснить генезисъ его міровоззрѣнія и степень его вліянія на эпоху послѣдующую?

Такое исключительное предпочтеніе нашихъ незабвенныхъ учителей стараго болѣе новому показалось намъ особенно грустнымъ тогда, когда изъ расписанія лекцій въ нѣмецкихъ университетахъ узнали мы, что въ Германіи лучшіе профессора рядомъ съ курсами по средневѣковой литературѣ читаютъ спеціальныя курсы по Фаусту Гёте, по лирическимъ произведеніямъ Шиллера и общіе обзоры классическаго періода нѣмецкой словесности.

Отчего же у насъ не такъ? Положимъ, Пален и Аввакумы заслуживаютъ полнаго вниманія, и работы Буслаева и Тихонравова надъ ними необходимы: безъ ихъ громадной эрудиціи никто другой съ ними не справится; положимъ, и намъ необходимо знать ихъ, и будущіе специалисты изъ насъ на нихъ должны усвоить приемы работы по допетровской литературѣ. Но за что же нашихъ классиковъ оставлять совсѣмъ въ сторонѣ?

Мы поняли, въ чемъ дѣло, только черезъ три-четыре года собственной работы, послѣ ознакомленія съ состояніемъ науки на западѣ: мы убѣдились, что нѣмецкій профессоръ можетъ читать спеціальныя курсы, положимъ, хоть о Валленштейнѣ Шиллера потому, что въ Германіи всѣ предварительныя работы давно сдѣланы, матеріалы собраны; извѣстна изо дня въ день жизнь Шиллера во время его творчества; документально извѣстно, какія книги и насколько времени бралъ онъ изъ іенской бібліотеки, обдумывая сюжетъ, какія мысли проходили въ головѣ его, и что изъ нихъ онъ сообщалъ своему другу Гете; извѣстно, какого числа писалъ онъ каждую сцену, къ какому актеру веймарскаго театра приспособлялъ онъ какую роль и т. д. А у насъ далеко еще не собраны и не установлены самыя

тексты наших классиковъ, не говоря уже объ ихъ письмахъ, и ровно ничего не сдѣлано для изученія среды, въ которой они жили и дѣйствовали. Довольно, если я укажу на одинъ фактъ, безъ сомнѣннй, многимъ изъ васъ извѣстный: академикъ Тихонравовъ уже на шестомъ десятии лѣтъ тратилъ свое драгоцѣнное время на подстрочное сличеніе и восстановленіе текста Гоголя, для чего, конечно, вовсе не нужны были его громадныя свѣдѣннй по палеографіи.

Но полное историческое оправданіе такому способу дѣйствнй нашихъ профессоровъ принесло ближайшее будущее, которое для васъ является уже давно прошедшимъ. Не успѣли мы окончить курсъ, какъ одинъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ критиковъ—публицистовъ разнесъ нашъ кумиръ, Пушкина, въ прахъ, мимоходомъ не пощадивъ и своего великаго предшественника Бѣлинскаго, и сдѣлалъ онъ это не ради оригинальничанья—онъ былъ человекъ идеально честный и искреннй, но по глубокому убѣжденію и не собственному только убѣжденію, а цѣлой партіи передовыхъ русскихъ мыслителей. Конечно, это была не художественная и не историческая критика, но все же отрицаніе систематическое, самоувѣренное, сильно дѣйствовавшее на юные умы, которые и пришли къ заключенію, что самыя основныя воззрѣннй Бѣлинскаго устарѣли до полной негодности, и что Пушкинъ почти столь же мало достоинъ изученія, какъ пустозвонныя одописцы XVIII вѣка. Люди 40-хъ годовъ и непосредственныя ученики ихъ могли возмущаться и негодовать, сколько имъ угодно: ихъ никто не хотѣлъ слушать, и ихъ клеймили страшнымъ у насъ въ то время названіемъ отсталыхъ. Разумѣется, работать надъ Пушкинымъ и вообще надъ нашими классиками въ это время было неудобно до крайности.

А между тѣмъ былины, Палеи и Аввакумъ, какъ характерныя факты исторической жизни народа, нисколько не теряли своего значенія, и изученіе ихъ энергично подвигалось впередъ.

Развѣ не правы были наши учителя, что знакомили насъ съ методомъ изслѣдованія не надъ новой литературой, которой еще предстояло возбуждать страсти, быть предметомъ публицистической полемики, а надъ фактами, болѣе отдаленными, вполне пригодными для объективнаго научнаго изученія?

Прошло послѣ развѣнчанія Пушкина какихъ нибудь 15 лѣтъ и, сколько помню, совершенно неожиданно для современниковъ на мо-

сковскомъ праздникѣ открытія памятника Пушкину, совершился рѣзкій поворотъ въ обратную сторону. Та же русская большая публика которая такъ недавно выказывала презрительно-враждебное равнодушіе ко всему, что отзывалось чистой художественностью, тепло и радостно привѣтствовала пріѣхавшихъ на праздникъ представителей литературы 40-хъ годовъ безъ различія партій, и горячимъ сочувствіемъ встрѣчала самыя восторженныя рѣчи поклонниковъ Пушкина, изъ которыхъ иные въ увлеченіи приписывали великому поэту много такого, что ему и во снѣ не могло сниться. Прошло еще семь лѣтъ; по случаю 50-лѣтія со дня смерти Пушкина, во всѣхъ большихъ и малыхъ центрахъ умственной жизни русской, произошли торжества въ честь великаго поэта, не столь восторженныя, какъ покаянное торжество московское, но зато дружныя и вполне увѣренныя въ своей разумности и законности. Съ этого же дня Пушкинъ сталъ народнымъ русскимъ поэтомъ не по названію, и не по духу и направленію своихъ произведеній, а въ буквальномъ значеніи этого слова, по степени своей популярности: по приблизительному, но, кажется, довольно вѣрному расчету, въ этомъ году и въ два слѣдующіе сочиненія его полностью и частями разошлись въ количествѣ 1½ милліоновъ экземпляровъ, что, если считать по десяти читателей на каждую книжку, даетъ 15 милліоновъ человѣкъ, т. е. больше, чѣмъ всю грамотную Россію.

Въ томъ же 1887 году, важнѣйшіе матеріалы для изученія Пушкина, которые только сумѣли собрать до тѣхъ поръ, сдѣлались общимъ достояніемъ, посредствомъ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ изданій. Съ тѣхъ поръ ежегодно появляются спеціальныя работы по Пушкину или его эпохѣ, изъ которыхъ едва ли не добрая половина показываетъ съ поразительною ясностью, какъ мало точнаго и научнаго въ томъ, что недавно считалось общепринятымъ. Мы и теперь не сдѣлали десятой доли того, что нужно, что сдѣлали нѣмцы, напримѣръ, для Шиллера или французы для Мольера, но что за бѣда? работы продолжаются, число работниковъ увеличивается, и дѣло двигается впередъ—все скорѣй и скорѣй. Въ настоящее время, по моему убѣжденію, нѣтъ никакихъ причинъ, которыя могли бы удерживать преподавателей университетовъ отъ чтенія курсовъ по Пушкинскому періоду русской литературы и, напротивъ, есть цѣлый рядъ основаній предполагать, что такой курсъ при мало-

мальски удовлетворительномъ исполненіи возбудить интересъ слушателей и принестъ имъ пользу. Начинаю съ важнѣйшаго.

Между трудными для насъ жизненными вопросами въ послѣднее время едва ли не труднѣйшій—вопросъ объ отношеніи нашей интеллигенціи къ такъ называемому «простому» народу: имѣеть ли нравственное право интеллигенція жить на счетъ тяжелаго труда народнаго, несоотвѣтственно вознаграждаемаго скудными благами, которыя мы предоставляемъ ему? Пропастъ между жизнью массы нашего деревенскаго люда и нашей жизнью, съ университетами, публичными лекціями, газетами, концертами, поѣздками за границу и пр.,—огромна; можемъ ли мы съ спокойною совѣстью наслаждаться всѣмъ этимъ и утѣшать себя мыслью, что иначе пока и быть не можетъ, что такъ было когда-то и въ наиболѣе цивилизованныхъ странахъ, гдѣ въ настоящее время и крестьянинъ и мастеровой собственнымъ трудомъ и энергіей доработались и до хорошей школы, и до своей газеты, и вообще до значительной степени нравственнаго и физическаго благосостоянія, и гдѣ различіе въ вознагражденіи за интеллигентный и за физическій трудъ настолько незначительно, что одинъ и тотъ же человѣкъ зачастую переходитъ отъ одного къ другому? Этотъ роковой вопросъ, конечно, каждый рѣшаетъ по своему, соотвѣтственно темпераменту и убѣжденіямъ. Одинъ, прикрываясь принципомъ борьбы за существованіе, полагаетъ, что тотъ, кому выпалъ лучшій № въ жизни, можетъ спокойно имъ пользоваться, а если онъ пожертвуетъ десятокъ рублей на голодающихъ или на деревенскую школу, то готовъ считать себя чуть не благодѣтелемъ рода человѣческаго. Другой думаетъ, что такъ какъ въ настоящее время нѣтъ возможности заполнить эту пропасть, то всякій совѣстливый человѣкъ долженъ отказаться отъ несправедливыхъ привилегій интеллигентнаго труда, «опроститься», уйти въ народъ и съ нимъ вмѣстѣ подниматься до высшей культуры и благосостоянія. Между этими двумя крайностями есть рядъ посредствующихъ воззрѣній. Я лично, вмѣстѣ со многими другими, держусь такого убѣжденія, которое мнѣ представляется донельзя простымъ и яснымъ: мы все получили и ежедневно получаемъ отъ народа; мы и должны честно расплачиваться съ нимъ. Чѣмъ? Почти всѣ мы сходимся въ томъ, что одною изъ первыхъ потребностей и въ то же время высшимъ благомъ для народа въ настоящее время является грамотность, но не простая

грамота въ смыслѣ умѣнья читать и писать, которая черезъ 5—6 лѣтъ тяжелой физической работы можетъ исчезнуть безслѣдно, а полное пониманіе читаемаго, привычка къ книгѣ, какъ къ средству поученія во всѣхъ обстоятельствахъ жизни и какъ къ орудію удовольствія, пріятнаго отдыха. Этимъ воспользуемся благомъ мы всѣ располагаетъ въ достаточной степени и должны дѣлиться имъ съ народомъ. Слѣдуетъ ли всѣмъ намъ идти въ народные учителя? Въ буквальномъ и узкомъ смыслѣ нѣтъ, а въ широкомъ—да. Нынѣшнимъ лѣтомъ, на земскихъ учительскихъ курсахъ въ Рязани я видѣлъ болѣе 300 человѣкъ народныхъ учителей и учительницъ; это, безъ сомнѣнія, самые полезные интеллигентные люди въ Россіи, всѣхъ добросовѣстнѣе и великодушнѣе расплачивающіеся съ народомъ, люди, умственный трудъ которыхъ не легче, да и не лучше вознаграждается, чѣмъ самый тяжелый физическій трудъ мастерового или крестьянина, и которые при этомъ цѣлыми десятками лѣтъ сохраняютъ энергію и живой интересъ къ своему дѣлу. Но то напряженное вниманіе, съ которымъ они слушаютъ на курсахъ своихъ руководителей (не всегда удачно выбираемыхъ), указываетъ, насколько они нуждаются въ умственной помощи людей, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя культурныя условія. Безъ методикъ и руководствъ, составляемыхъ людьми съ университетскимъ образованіемъ, они были бы, какъ безъ рукъ; безъ дешевыхъ народныхъ книжекъ, издаваемыхъ комитетами и обществами грамотности, и составляемыхъ тѣми же университетскими людьми, они не имѣли бы возможности распространять грамотность въ томъ смыслѣ, въ какомъ она необходима въ деревнѣ¹⁾. Великую услугу оказываютъ книжки, сообщающія народу разныя полезныя практическія свѣдѣнія; но по крайней мѣрѣ не меньшую пользу приносятъ ему и книжки, способныя заохотить деревенскаго человѣка къ чтенію и поднять его духовную культуру; а кто лучше нашихъ великихъ поэтовъ можетъ исполнить эту важную задачу? 40 лѣтъ назадъ до начала

¹⁾ Эти комитеты, общества, фирма „Посредникъ“ издаютъ и рассылаютъ книжки въ огромномъ количествѣ (одно Московское общество грамотности въ трудный для него 1897 г. разослало, если не ошибаюсь, 114.000 экземпляровъ книгъ, при чемъ специалистами установлено, что каждый экземпляръ служить минимумъ десяти читателямъ), и все-таки же отовсюду слышны жалобы на ужасающій недостатокъ книгъ по деревнямъ.

реформъ, но послѣ ознакомленія съ народной, все еще живой поэзіей, можно было сомнѣваться, годится ли для деревни наша художественная литература; можно было ставить вопросъ, поднимется ли народъ до нея, или ей надо будетъ приспособиться къ народу и его поэзій? Теперь этотъ вопросъ рѣшенъ самой жизнью: народная поэзія вымираетъ у насъ необыкновенно быстро, а народъ оставаться безъ поэзій не можетъ, и полтора милліона экземпляровъ Пушкина—достаточно ясный и вѣскій фактъ. Для того же, чтобы толковать Пушкина деревенской школѣ и народу, надо самимъ хорошо знать его. Можно и даже должно надѣяться, что настанетъ время, когда въ деревенской школѣ будутъ читать и Слово о полку Игоревѣ, но это будетъ еще не скоро; а Пушкинъ и Гоголь необходимы теперь же.

На второе мѣсто я вынужденъ поставить аргументъ несравненно меньшей важности, но тоже имѣющей тѣсную связь съ переживаемымъ нами историческомъ моментомъ. Если въ настоящее время происходитъ переломъ въ русскомъ народѣ, который переходитъ отъ своей поэзій къ художественной, отъ пѣсенъ и сказокъ—къ Пушкину и баснямъ Крылова; то переломъ другого рода совершается и въ русской интеллигенціи, а именно, происходитъ реакція противъ антихудожественности и тенденціозности 60-хъ и 70-хъ годовъ; появляется масса поэтовъ, полагающихъ всю силу поэзій въ оригинальности формы (и только отчасти содержанія), такъ называемыхъ *декадентовъ*. Я долженъ признаться, что знакомъ съ этимъ явленіемъ очень поверхностно, но все же позволяю себѣ имѣть о немъ свое мнѣніе; по-моему, это явленіе болѣзненное, и болѣзнь эта эпидемическая, а средство противъ нея одно: терпѣливое и усердное изученіе настоящихъ художниковъ,—изученіе, конечно, историческое. (Въ теченіе своего курса я надѣюсь доказать вамъ, что величіе Пушкина по крайней мѣрѣ столько же обусловлено его необыкновеннымъ трудолюбіемъ и умѣлой энергіей въ работѣ, сколько и его природными дарованіями).

Перехожу къ научной сторонѣ дѣла. Конечная цѣль науки, какъ вы знаете, не наблюденіе явленій, а выясненіе общихъ законовъ. Исторія литературы, какъ наука, возможна только въ видѣ сравнительной исторіи литературы, въ которую русская литература войдетъ, какъ часть матеріала, но часть очень поучитель-

ная. Если даже оставить въ сторонѣ наши сказки, пѣсни, нашъ богатый и долговѣчный былинный эпосъ, равнаго которому не найдется ни у одного изъ новыхъ народовъ, самый ходъ нашей небогатой письменности окажется чрезвычайно оригинальнымъ, смѣю сказать, драгоценнымъ именно въ смыслѣ установленія общихъ законовъ, для уясненія которыхъ однѣ западныя литературы дадутъ матеріаль слишкомъ однообразный.

Въ западной и южной Европѣ, по выраженію Пыпина, умственная культура только возрождается изъ-подъ пепла; у насъ было необходимо произвести «новое треніе». На нашей дѣвственной почвѣ быстро вырастаетъ литература XII вѣка, конечно, большею частию подражательная, но не бѣдная, энергичная и многообщающая; вы всѣ знаете, какія интересныя и полныя жизни произведенія дошли отъ нея до насъ, и, безъ сомнѣнія, знаете, что это только малая часть того, что было тогда создано. Правильный ходъ ея былъ насильственно прерванъ татарскимъ погромомъ съ его печальными послѣдствіями, и въ результатѣ получилось нѣчто дѣтски наивное и въ то же время старчески одностороннее, будто одинъ изъ самыхъ многочисленныхъ и энергичныхъ народовъ въ Европѣ цѣликомъ ушелъ въ монахи и три столѣтія умственно питался одной аскетической письменностью.

Въ то время, какъ на Западѣ національный героическій эпосъ смѣнялся рыцарскими авантурными романами и, наконецъ, веселыми фавль и швенками, въ то время какъ тамъ умственная жизнь бойко прогрессировала въ каждомъ новомъ поколѣніи, у насъ точно все застыло, и грамота служила только для безконечнаго варьирования свято-отеческихъ отрывковъ и однообразныхъ разсказовъ патериковъ и сборниковъ. Отсюда у насъ строгое виѣшнее благочестіе, долгія стоянія, безконечныя поклоны, покорность родителямъ, отцамъ духовнымъ, отсутствіе умственныхъ запросовъ, колебаній, жизнь урегулированная до послѣднихъ мелочей, и, какъ неизбежное слѣдствіе этого, неистовый разгулъ ума и страстей, когда человѣкъ выходилъ изъ желѣзныхъ рамокъ отеческаго преданія. Тогда онъ сжигалъ все, чему поклонялся, и поклонялся всему, что сжигалъ. Отсюда тверскіе рационалисты XIV вѣка, отвергавшіе загробную жизнь ¹⁾; отсюда незнакомая западу ересь жидовствующихъ; отсюда

¹⁾ Тихонравовъ, Сочиненія, I, 222 и слѣд.

уже въ XVI вѣкѣ стремленіе принимать иноземныя, даже не христіанскія моды ¹⁾; отсюда, наконецъ, такіе характеры, какъ Грозный.

Стремленіе спастись отъ золь невѣжества и ощущаемаго лучшими людьми великаго шатанія посредствомъ усвоенія западной науки появилось у насъ больше, чѣмъ за 100 лѣтъ до Петра. Кн. Курбскій поминаетъ «свѣтлаго роду мужей», которые ѣздили на науку за море во Ерманію и навывкали добрѣ алеманскому языку и писанію и до Влохъ (до Италіи) доѣзжали и по-латыни и «шляхетскимъ наукамъ» научались ²⁾. Правда, большинство даже изъ правящаго класса на такихъ смѣльчаковъ смотрѣло съ ужасомъ и утверждало, что въ книгахъ «заходятся челоувѣци, сирѣчь безуміють, або въ ересь впадаютъ» ³⁾; но передовые люди, ссылаясь на примѣры учителей церкви и искусно пользуясь оружіемъ противниковъ, до казывали, что такая вражда къ книгамъ есть не иное что, какъ зловредная ересь. Дорога на западъ была проложена широкая: вспомнимъ, что во 2-ой половинѣ XVII вѣка въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ жило болѣе 1000 семействъ однихъ протестантовъ, а при самомъ дворѣ царскомъ, рядомъ съ боярами древняго благочестія, готовыми за него на мученичество, стояли и крайніе западники, и милостью царской пользовались послѣдніе, а не первые. Тогда снова проявилась еще ярче прежняго и въ литературѣ и въ искусствѣ удивительная способность русскаго челоувѣка усвоивать изъ чужого наиболѣе пригодное, быстро претворять его въ свою плоть и кровь и изъ заимствованнаго создавать оригинальное. Напомню царскихъ мастеровъ, Симона Ушакова; напомню русскую повѣсть и русскую прозаическую сатиру XVII вѣка. Менѣе всего, повидимому, представляетъ оригинальности умственная жизнь петровской и послѣ петровской эпохи: такую дѣловую и учебную, подражательную литературу имѣетъ всякій отсталый отъ сосѣдей народъ въ періодъ усвоенія высшей цивилизаціи. Но это только повидимому: вспомнимъ, что одновременно съ жалкими попытками подражательнаго творчества Кантемировъ и Тредьяковскихъ у насъ существовала живая до страстности литература раскольничья, шла ожесточенная полеми-

¹⁾ См. Максима Грека о тафіяхъ II, 382 и слѣд.

²⁾ Соч. 1842 г., стр. 107, 257.

³⁾ Курбскій. См. „Библиографическія Записки“, 1858 г., № 18, стр. 362.

ка между поповщиной и безпоповщиной и между фракціями той и другой, что въ этой будто бы безразличной массѣ дѣйствовали такіе сильные творческіе умы, какъ Андрей Денисовъ.

Къ началу нашего столѣтія, въ этой подземной литературѣ почти замираетъ жизнь не въ смыслѣ производительности, а въ смыслѣ обновленія и движенія идей. Но зато тогда происходитъ въ высшей степени оригинальное явленіе: міровоззрѣніе этой темной, доселѣ презираемой массы вдругъ начинаетъ оказывать сильное вліяніе на нашъ правящій классъ; петербургскіе аристократы, до тѣхъ поръ говорившіе по-русски только съ прислугой, боевые генералы напихъ войнъ съ Наполеономъ, высшіе чиновники, получившіе образование въ Московскомъ университетѣ, ѣздятъ на поклоненіе къ возвращенному изъ Сибири основателю скопчества—Кондратію Селиванову; у придворной дамы Татариновой устраиваются хлыстовскія радѣнья съ простонародными пѣснями, въ которыхъ участвуютъ, «отложивши всю мудрость людскую съ ея приличіями», сливки столичнаго общества и въ томъ числѣ министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ. Гдѣ вы найдете что-нибудь подобное?

Въ классическомъ періодѣ нашей литературы и прежде всего въ главѣ ея, Пушкинѣ, не могли не выразиться съ особой интенсивностью всѣ эти интересныя черты исторіи русской духовной культуры. Самъ Пушкинъ—наиболѣе яркое проявленіе нашей національной способности претворять чужое въ собственное, подражаніе доводить до высокой оригинальности. Онъ учился у всѣхъ предшествовавшихъ ему и современныхъ литературныхъ школъ и образцовъ, отъ всѣхъ усвоилъ все лучшее и усовершенствовалъ усвоенное. Онъ и отъ псевдоклассиковъ унаслѣдовалъ ясность мысли, изящество формы и уваженіе къ чистотѣ и правильности языка, отъ раннихъ романтиковъ—твердую вѣру въ неограниченную свободу поэзіи и отъ позднихъ—тонкій психологическій анализъ; раньше, чѣмъ кто либо изъ его западныхъ учителей, онъ стремится къ разработкѣ гуманныхъ и социальныхъ задачъ въ поэзіи и, такъ сказать, черезъ головы современниковъ, протягиваетъ руку передовымъ писателямъ 60-хъ годовъ. Самыя несходныя явленія западнаго творчества: и Вольтера, и Шекспира, и Шенье, и Гете, и Царни, и Байрона объединяетъ онъ въ своемъ всеобъемлющемъ талантѣ и упрощаетъ, не понижая ихъ художественнаго уровня. А бессознательное и часто

уродливое, какъ у поклонниковъ Татариновой и Фотія, народное чувство онъ доводитъ до такой высокой степени національнаго самосознанія, что самые крайніе славянофилы преклонялись передъ этимъ ученикомъ и другомъ Чаадаева, какъ передъ великимъ народнымъ поэтомъ.

Сошелъ въ могилу Пушкинъ, и оживленная, одухотворенная имъ русская литература проявляетъ новыя высокопоучительныя стороны: сразу во всеоружіи огромнаго таланта и горячаго убѣжденія является у насъ критика, въ лицѣ Бѣлинскаго; одновременно начинается въ высшей степени оригинальная ожесточенная, но честная и плодотворная борьба двухъ фракцій передовыхъ людей, которыя выходятъ изъ одного пункта, и черезъ много лѣтъ на одномъ и томъ же сходятся; эта борьба благотворно дѣйствуетъ и на расширение кругозора нашей критики, которая направляетъ Гоголя и порождаетъ Тургенева, Достоевскаго, Гончарова, Островскаго. Скоро и для Тургеневскаго періода, когда русская литература почти неожиданно и для насъ самихъ покорила весь читающій міръ, настанетъ исторія; а нужно ли доказывать, что ни литература 40-хъ годовъ, ни тургеневскій періодъ не могутъ быть поняты безъ обстоятельнаго, подробнаго и вполне объективнаго изученія періода Пушкинскаго?

Я повторяю, что для этого изученія въ послѣдніе годы положены твердыя основы, а сдѣлано въ сущности еще очень мало; это самый выгодный для работниковъ моментъ: пригодныя орудія въ рукахъ, мѣста намѣчены, только принимайся за дѣло; свѣжаго или едва тронутаго матеріала безъ конца; что ни день работы, то или новый фактъ, или существенная поправка и дополненіе къ прежнему, слишкомъ успѣшно добытому.

Я приведу два примѣра изъ собственной очень небольшой практики (изъ чужой я могъ бы привести сотни ихъ, но въ своемъ дѣлѣ виднѣе подробности). Четыре года назадъ, Общество любителей словесности при Московскомъ университетѣ готовилось издавать сборникъ, и предсѣдатель его былъ такъ любезенъ, что предложилъ мнѣ принять въ немъ участіе; съ этимъ совпало 50-лѣтіе со дня смерти Крылова. Имѣя свободную недѣлю, я отправился въ Петербургъ въ Публичную бібліотеку и попросилъ дать мнѣ находящіяся тамъ Крыловскія бумаги, надѣясь найти въ нихъ не безынтересные варианты къ баснямъ и указанія на процессъ творчества

Крылова. Я нашелъ кое-что безъ особаго труда и, кромѣ того, совершенно неожиданно, нашелъ въ той же папкѣ документъ, ясно доказывающій, что представленіе, которое мы имѣли о ранней молодости Крылова, радикально невѣрно: его считали самоучкой и бѣднякомъ, который на грошовое жалованье канцеляриста содержалъ свою мать, а при сопоставленіи этого документа съ другими оказывается, что Крыловъ въ Твери только числился на службѣ, уѣзжалъ надолго въ Петербургъ, и его мать не жалѣла послѣднихъ крохъ, оставшихся по смерти мужа, чтобы лучше пристроить сыновей своихъ. Согласитесь, что такая поправка къ біографіи писателя, которая справедливо считается лучшимъ комментариемъ къ его произведеніямъ, не лишена значенія.

Довольный находкою, я готовъ былъ сложить свои тетрадки, какъ завѣдующій рукописнымъ отдѣленіемъ предложилъ мнѣ просмотрѣть автографъ оперы Крылова «Кофейница».

— Для чего же?—отвѣтилъ я,—вѣдь текстъ воспроизведенъ по этой же рукописи очень почтеннымъ академикомъ.

— Мало ли что могло случиться: можетъ быть, издатель очень спѣшилъ, можетъ быть не все разобралъ.

Я подумалъ и взялъ синюю тетрадку Крылова; съ первой же страницы убѣдился я, что г. завѣдующій былъ безусловно правъ: текстъ воспроизведенъ съ такими недостатками, что установившееся мнѣніе о плохомъ стихѣ и стилистическихъ ошибкахъ этого первенца Крылова чистое недоразумѣніе: ошибки всецѣло принадлежать переписчику.

Обвинять ли почтеннаго академика за то, что онъ довѣрился послѣднему? Едва ли хватитъ на это духа, если вспомнимъ, что этотъ академикъ велъ въ то же время десять другихъ работъ болѣе важности. Все дѣло въ томъ, что жатва велика, а дѣлателей мало.

Другой примѣръ, болѣе близкій къ Пушкину. Всѣмъ извѣстно, какое огромное вліяніе имѣло на юнаго поэта Чаадаевъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ и умнѣйшихъ людей своего времени; извѣстно, что Пушкинъ всю жизнь свою относился къ нему съ глубокимъ уваженіемъ и симпатіей и считалъ его своимъ спасителемъ и учителемъ. Въ Москвѣ, въ Румянцевскомъ музеѣ, оказываются 3 портфеля съ бумагами Чаадаева, въ которые, кажется, никто и не загля-

дывалъ. Не трудно было, посидѣвъ надъ ними нѣсколько недѣль, извлечь оттуда рядъ интересныхъ фактовъ.

Но самый разительный примѣръ представляютъ бумаги самого Пушкина, пожертвованныя въ тотъ же музей сыномъ поэта. Надъ ними работали три лучшихъ знатока Пушкина: Анненковъ, Барте-невъ и Якушкинъ, и каждый изъ нихъ совершенно справедливо упрекали своихъ предшественниковъ (для Анненкова таковыми были редакторы посмертнаго изданія) въ небрежномъ отношеніи къ дѣлу. Цѣннѣе всѣхъ дополненія и поправки г. Якушкина, но онъ самъ много разъ говоритъ, что не разобралъ того-то и того-то. Развѣ не вполне естественно ожидать, что всякій, кто теперь внимательно поработаетъ надъ этими бумагами, прибавитъ къ его дополненіямъ новыя, столь же интересныя? А надъ бумагами Пушкина и его современниковъ работать вовсе не трудно: не надо знать для этого ни палеографіи, ни водяныхъ знаковъ; не надо строить предположеній относительно автора, писца и времени: годъ, число и фамилія почти всегда подписаны, и рукописи большею частію автографы. Только надо не жалѣть времени и вниманія, и результатъ несомнѣненъ.

Мало того: множество интересныхъ работъ можно сдѣлать по одному печатному матеріалу. Умственная жизнь наша уже со второй половины прошлаго столѣтія выражается въ значительной степени, а съ Пушкинскаго періода главнымъ образомъ въ періодическихъ изданіяхъ. А много ли мы знаемъ по исторіи нашей журна-листике?

40 лѣтъ назадъ, Аванасьевъ, въ послѣдствіи знаменитый собиратель сказокъ, внимательно перечелъ сатирическіе журналы екатерининской эпохи, умно оставилъ прочитанное легко добытыми фактами, и въ результатѣ получилась одна изъ самыхъ живыхъ страницъ исторіи нашей литературы. Много позднѣе, нѣкто г. Весинъ безъ особой подготовки, искусства и таланта перелистовалъ журналы 20-хъ и 30-хъ годовъ, и хотя книга его, въ виду отсутствія метода, и не дала многого, все же она представляетъ полезное и даже необходимое пособіе.

У насъ до сихъ поръ нѣтъ хронологическихъ указателей ни по новой литературѣ вообще, ни по отдѣльнымъ писателямъ, кромѣ хронологической канвы для біографіи Пушкина, переполненной недо-смотрами. У насъ нѣтъ словарей къ писателямъ, даже къ самому

Пушкину. А все это работы не трудныя и поучительныя какъ для самого работника, такъ и для тѣхъ, кто будетъ позднѣе ими пользоваться, чисто *студенческія* работы.

Мечты мои, гг., простираются не очень высоко: если мнѣ удастся хоть въ немногихъ изъ васъ возбудить охоту къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ по новой русской литературѣ, познакомить съ до-крайности немудреными ихъ приѣмами, помочь по-товарищески кое-какими свѣдѣніями по литературамъ западнымъ, съ нею такъ неразрывно связаннымъ, я сочту свою задачу исполненной и буду глубоко благодаренъ судьбѣ за то, что она дала мнѣ возможность поработать на пользу родного университета, изъ котораго уже полтора столѣтія льется по всей Руси великой свѣтъ истины и дѣятельной любви къ человѣчеству.

А. Кирпичниковъ.

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Статьи студентовъ Императорскаго Московскаго
Университета

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

Проф. А. И. Кирпичникова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1900.